

и поступков, вплоть до преступления, – таков путь и Людмилы Маргаритовой. Пробуждение “поздней любви” в скромной девушке из захолустья – отзвук перелома женских судеб, происходившего в 1860–1870-е годы. Однако в своем новом рождении Людмила не порывает с прежними нравственными ценностями» (2).

Таким образом, при сопоставлении двух пьес А. Ф. Писемского и А. Н. Островского, написанных в 1873 году, мы пришли к выводу, что ими одинаково отражены не только негативные пореформенные общественно-экономические изменения, но и отражение социального «женского вопроса», рост самосознания женщин при сохранении ими нравственности.

Литература

1. Лакшин В. Я. Театральное эхо. М., 2013.
2. Москвина Т. В. В спорах о России: А. Н. Островский: Статьи, исследования. СПб., 2010.
3. Островский А. Н. Пьесы. Л., 1986.
4. Писемский А. Ф. Собрание сочинений в 5 т. Т. 2: Повести, рассказы, очерки, драмы. М., 1982.
5. Тимашиова О. В. «О подводном камне» М. В. Авдеева и взгляды Писемского на «женский вопрос» // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 69–73.
6. Ревякин А. И. Драматургия А. Н. Островского (К 150-летию со дня рождения). М., 1973.

УДК 821.161.1.09"18"

Н. А. Дегтерев

Череповецкий государственный университет
koldeg@mail.ru

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В «ОЧЕРКАХ БУРСЫ» Н. Г. ПОМЯЛОВСКОГО И «ДОМИКЕ НА ВОЛГЕ» С. М. СТЕПНЯКА-КРАВЧИНСКОГО: «ЦЕРКОВНОЕ» И «РЕВОЛЮЦИОННОЕ» ЕВАНГЕЛИЕ

В статье проводится сопоставительный анализ евангельских реминисценций в речи персонажей повести С. М. Степняка-Кравчинского «Домик на Волге» и «Очерков бурсы» Н. Г. Помяловского. В результате анализа автор приходит к выводу о том, что в духовной среде бурсы Священное Писание воспринимается в ироническом, профанирующем ключе, в то время как в революционной среде использование евангельских цитат, напротив, призвано подчеркнуть религиозное служение делу революции.

Ключевые слова: Н. Г. Помяловский, «Очерки бурсы», С. М. Степняк-Кравчинский, «Домик на Волге», евангельские реминисценции.

N. A. Degterev

Cherepovets State University
koldeg@mail.ru

GOSPEL REMINISCENCES IN "SEMINARY SKETCHES" BY NIKOLAI POMYALOVSKY AND "THE LITTLE HOUSE ON THE VOLGA" BY SERGEY STEPNYAK-KRAVCHINSKY: A "CHURCH" GOSPEL VS A "REVOLUTIONARY" ONE

The article presents the comparative analysis of the gospel reminiscences in the speech of the characters of the stories "The Little House on the Volga" and "Seminary Sketches" by Sergey Stepnyak-Kravchinsky and Nikolai Pomyalovsky, respectively Pomyalovsky. As a result of the analysis, the author comes to the conclusion that in the spiritual environment of the seminary, the Holy Scripture is perceived in an ironic, profane way, while in the revolutionary environment, the use of gospel quotations is, on the contrary, intended to emphasise the religious service to the cause of revolution.

Keywords: Nikolai Pomyalovsky, "Seminary Sketches", Sergey Stepnyak-Kravchinsky, "The Little House on the Volga", gospel reminiscences.

Вопрос о религиозном значении русской революции неоднократно обсуждался как до, так и после 1917 года (см.: 1; 3). Он находил отклик в трудах не только философов, но и писате-

лей. Так, например, Д. С. Мережковский писал в начале XX века: «Христос – религиозный предел всякой революции; антихрист – религиозный предел всякой реакции. Вот почему принявшая религию бытия христианская, вернее, Христова Европа, – вся в революции...» (7). Такое взаимное переплетение религиозных и революционных вопросов характерно не только для Мережковского. П. В. Басинский в книге о Максиме Горьком пишет о романе «Мать» как о «евангелии для пролетариата» (2) и сравнивает Павла Власова с апостолом Павлом.

Русская писательница-эмигрантка Е. Ю. Кузьмина-Караваева, оценивая итоги синодального периода истории русской церкви, попыталась объяснить, как социальные обстоятельства влияли на внутренние мотивы поведения русских революционеров: «Вся система предопределяла то, что самые религиозно-одаренные и горячие люди не находили в ней себе места. Они... подымали мятеж, бунтуя зачастую не только против данной церковной системы, но и против Церкви. Так развился у нас антирелигиозный фанатизм наших революционеров, столь похожий в своей первоначальной стадии на огненное горение подлинной религиозной жизни» (6). В этом суждении глубоко религиозного человека есть и косвенное обвинение церкви, которая не принимала в себя религиозно одаренных людей.

Подобные примеры религиозной оценки русского революционного движения свидетельствуют об «убывании» в начале XX века религиозного духа из церковной жизни и усиления его в революционных настроениях общества. Очевидно, истоки этого сложного процесса относятся к 1860-м годам, характерная особенность которых нашла отражение в известной сентенции Н. А. Бердяева: «Бывшие семинаристы делаются нигилистами» (4, 122). В литературном творчестве это нашло наиболее яркое отражение в беллетристике второй половины XIX века. В качестве примера можно обратиться к конкретному аспекту поэтики «Очерков бурсы» Н. Г. Помяловского и «Домика на Волге» С. М. Степняка-Кравчинского – евангельским реминисценциям в речи литературных героев: бурсаков-семинаристов, с одной стороны, и революционеров – с другой. Оба произведения отражают, на наш взгляд, характерные особенности той социальной среды, которую изображают – духовной («Очерки бурсы») и революционной («Домик на Волге»).

Бурсаки Помяловского часто используют измененные евангельские цитаты в своей речи. В большинстве случаев изменение цитат производится в явно ироническом профанирующем контексте. Вот яркий пример: «Воздух первоуездного класса наполняется странными напевами и голосами. – Братие, не дерите платия, а берите нитки и зашивайте дырки, – читает кто-то на манер чтения “Апостола”. – Не мешай, – говорят ему соседи... – Марфо, Марфо, что печалишься и молвиши о мнозе, – продолжает ттец... – Замолчишь ли ты, сволочь?» (8, 381). Слова Христа, обращенные к Марфе: «Марфа, Марфа, ты заботишься и суетишься о многом» (5, 1578), – практически не изменены. Однако если в Евангелии Христос предостерегает Марфу от излишней суеты и говорит ей о том, что она упускает «единое на потребу», бурсаки – во время такого обращения к ним – заняты приготовлением уроков. Таким образом, вселенское, «вечное» предостережение Христа сводится до уровня мелкой педагогической проблемы, что снижает значение евангельских слов, профанирует их. Печатью профанации отмечены и такие высказывания бурсаков, как, например, угроза: «А в *рождество* (лицо) хочешь?» (8, 303); «и бысть слышен глас с небесе – тп-тпру» (8, 381). В последнем случае это даже не ирония, а насмешка над евангельским текстом.

Евангельские цитаты могут и сохраняться, однако иронический контекст полностью меняет их смысл: «Эх, Аксен Иваныч, – сказал ему Ipse, как бы отвечая его мыслям, – воззри на птицы небесные: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, но отец небесный питает их» (8, 351). Эти слова Ipse почти дословно повторяют фразу Христа из Нагорной проповеди, однако ситуация, в которой они звучат, придает им иронический смысл. Во-первых, эти слова произносит Ipse, второе прозвище которого – Сатана. Во-вторых, говорит он их Аксютке,

который за свои проделки наказан лишением обеда. Сказанные слова, соответственно, звучат одновременно и как издевательство, и как провокация. В-третьих, сам Аксютка неоднократно назван училищным вором, который «воровал артистически» (8, 309): от этого провокативный эффект фразы еще усиливается и, конечно, само высказывание профанируется.

Это далеко не все примеры профанирования евангельского текста в речи бурсаков, но даже из них видно, что Священное Писание понимается учениками духовного учебного заведения отнюдь не в религиозном смысле. Религиозного духа Писания в бурсаках нет, что неоднократно подчеркивает и автор.

Совсем с иным отношением к евангельскому тексту мы встречаемся в речи революционера Волгина из повести С. М. Степняка-Кравчинского «Домик на Волге». На вопрос о том, что следует делать на благо народа, он предлагает «отречься от себя... Не иметь ни днем, ни ночью другой думы, кроме блага этих ваших меньших братьев. Душу за них положить! Вот это будет любовь, это будет помощь!» (9, 317). В этих словах Волгина содержатся ссылки сразу на несколько скрытых евангельских цитат: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (5, 1537); «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (5, 1643). Чуть дальше в речи Волгина содержится, параллельно с евангельской, отсылка и к Ветхому Завету – к образу пророка Моисея: «Мы не увидим обетованной земли. Но мы идем к ней. Опящите свои чресла, как сказано в Евангелии, оставьте дом и семью и идите к нам, к брату» (9, 317–318). Важно, что Волгин сам ссылается в данном случае на Евангелие, хотя фактически речь идет о послании апостола Павла к Ефессянам. Очевидно, Евангелие тут понимается скорее не как текст, а как «благая весть», целокупно выраженная в Новом Завете. Правда, в речи Волгина можно найти и как будто ироническую ссылку на Священное Писание. В минуту уныния он говорит: «А я силен, когда на меня сходит дух святой. Теперь же он меня оставил» (9, 319). Однако и в данном случае это ирония не профанирующая, как у бурсаков, а, скорее, горькая ирония.

Христианский контекст повести не ограничивается словами Волгина. Героиня «Домика на Волге» Катерина Васильевна, смотря на Волгина, «вспоминала о своих христианских мучениках» (9, 330). Образ революционера тем самым в ценностном плане приравнивается – пусть и только в сознании персонажа – к образам святых. Да и сам Волгин подчеркивает, что он и его товарищи призывают людей «не на кровь, а на жертву» (9, 318), то есть фактически к мученическому подвигу.

Таким образом, в «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского и «Домике на Волге» С. М. Степняка-Кравчинского мы видим два разных, разнонаправленных способа привлечения евангельского текста. В духовной среде бурсы, среди будущих священно- и церковнослужителей преобладает ироническое, профанирующее отношение к Священному Писанию, в то время как в революционной, принципиально атеистической среде сама революционная деятельность переосмысливается в контексте Священного Писания и приобретает религиозные черты.

Литература

1. Аскольдов С. А. Религиозный смысл русской революции. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/6/iz-glubiny/1>.
2. Басинский П. В. Евангелие от Максима. URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/biografiya/basinskij-gorkij/evangelie-ot-maksima.htm>.
3. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. URL: <https://predanie.ru/berdyayev-nikolay-aleksandrovich/book/94521-istoki-i-smysl-russkogo-kommunizma/>
4. Бердяев Н. А. Русская идея. М., 2007.
5. Библия. М., 2006.
6. Кузьмина-Караваева Е. Ю. Типы религиозной жизни. URL: http://az.lib.ru/k/kuzxminakarawaewa_e_j/text_0030.shtml.
7. Мережковский Д. С. В тихом омуте. В обезьяньих лапах (о Леониде Андрееве). URL: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_01_1908_v_tihom_omute.shtml.
8. Помяловский Н. Г. Очерки бурсы // Помяловский Н. Г. Избранное. М, 1980.
9. Степняк-Кравчинский С. М. Домик на Волге // Степняк-Кравчинский С. М., Сочинения. Т. 2. М., 1987.